

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА АНРИ ЛЕФЕВРА

Рассматривается концепция пространства французского философа и социального теоретика Анри Лefевра. Пытаясь преодолеть редукционистский взгляд на пространство, свойственный метафизическим подходам, Лefевр обращается к повседневному опыту пространства и рассматривает его одновременно в трех срезах: материальном, социально-политическом и научно-исследовательском. Изначальная социальность пространства означает для Лefевра, что вопрос о производстве пространства должен быть поставлен в контексте проблемы производства и воспроизводства социальных отношений. Так, анализ пространства приобретает характер социальной критики: изменить общество означает для Лefевра изменить пространство (и наоборот).

Ключевые слова: производство, спациология, социальное пространство, повседневность, капитализм.

Известный американский архитектурный критик Герберт Машамп (Herbert Muschamp) в своем предисловии к книге Энди Меррифилда, посвященной творчеству Анри Лefевра, следующим образом суммировал центральную идею теории пространства Лefевра: «Мы – рабочие, создающие [producing] свою собственную фабрику, просто гуляя по улице. Это один из способов, каким я могу вкратце выразить то, что почерпнул из “Производства пространства” Лefевра» [1]. В такой популяризаторской манере Машамп попытался указать на три ключевых идеи, образующих контуры неомарксистской концепции пространства А. Лefевра: (1) пространство представляет собой динамичное образование, (2) в котором неустранимым является его социально-политическое измерение – процесс повседневного производства и воспроизводства социальных отношений всегда имеет пространственные импликации, (3) а это означает, что социально-пространственные отношения можно и нужно изменять (в том числе и революционным путем).

Несмотря на то, что программный труд А. Лefевра «Производство пространства» (La production de l'espace) был опубликован еще в 1974 г., о значимости этой работы по-настоящему заговорили лишь два десятилетия спустя – после 1991 г., когда вышел ее перевод на английский язык. На родине автора, во Франции, к этой работе (57-й в его творчестве) публика отнеслась достаточно прохладно. Исследователь творчества А. Лefевра Э. Меррифилд считает, что именно англо-американская социальная география и урбанистика помогли возродить идущую на убыль «пространственную карьеру» Лefевра и сделали его идеи действительно заметными. «Кто знает, – пишет Меррифилд, – насколько известными были бы его работы без преданных размышлений Дэвида Харви, Эварда Соуджея, Фредрика Джеймсона, Марка Готдиенера, Дерека Грегори и др» [1]. И с этим трудно не согласиться.

Одной из центральных задач, которые Лefевр ставил перед собой в работе «Производство про-

странства», была разработка «единой теории пространства», названной им спациологией (spatiology) [2]. Речь идет о попытке предложить такую концепцию, которая смогла бы избежать редукционизма в анализе пространства и тем самым преодолеть «двойную иллюзию», свойственную метафизическим подходам: «иллюзию прозрачности», реализуемую путем фетишизации пространства (когда оно сводится к идеям/представлениям о пространстве и рассматривается в качестве ментальной – дешифрованной – реальности), и «реалистическую иллюзию», реализуемую через реификацию пространства (когда оно сводится к материальным объектам и рассматривается как естественно/объективно данное) [2].

Необходимость в единой теории пространства продиктована не только теоретической, но и прежде всего практической (социально-политической) необходимостью: с точки зрения Лefевра, единая теория, рассматривающая пространство как динамический процесс [2], позволит демистифицировать и декодировать капиталистическое пространство (как особую идеологию, которая дает о себе знать в организации как отдельных социально-телесных практик, так и в организации жизненного пространства современных городов в целом) через анализ его структуры, а также норм и ценностей, благодаря которым эта структура создается и воспроизводится. С точки зрения Лefевра, редукционистские теории не просто формируют искаженные представления о пространстве, но, будучи идеологически ангажированными, порождают «ложное сознание»: фрагментация и разделение порождают непонимание и отчуждение, что способствует сохранению и поддержанию существующего status quo. Превратить пространство в пассивный контейнер и рассматривать его вне всяких социальных отношений – как пространство «в себе» (сформированное «самим ходом вещей», природой) – оказывается достаточно легко после того, как оно разбито на фрагменты, когда социальное и смысловое рассматриваются вне связи с физическим [2].

Преодолеть свойственный метафизике редукционизм означает увидеть динамическую связь между физическим (природа), ментальным (идеи/теории) и социальными пространствами, рассматривая их не как отдельные регионы, а в их единстве. Изначальная социальность пространства означает для Лефевра, что вопрос о производстве пространства должен быть поставлен в контексте проблемы производства и воспроизводства социальных отношений [2]. Именно в этом (не холистском) значении Лефевр использует слово «единая», когда заявляет о необходимости построения «единой теории пространства».

Анализируя пространство, важно, таким образом, научиться видеть его комплексно – одновременно в трех срезах: материальном, социально-политическом и научно-исследовательском. С этой целью Лефевр вводит в свою «пространственную триаду», образующую, по словам Э. Меррифилда, «центральный эпистемологический стержень» его теории [3]. Лефевр различает:

1. Репрезентации пространства. Это понимаемое (conceived) пространство; то, как пространство понимается и интерпретируется профессионалами (архитекторами, философами, политиками, социологами, урбанистами, инженерами, географами, специалистами по городскому планированию и др.). Этот порядок конституируется посредством контроля знания, знаков и кодов: контроля над средствами дешифровки пространственных практик и над производством знания о пространстве. Репрезентации пространства – это репрезентации власти и идеологий, они находят свое воплощение в обжитом пространстве (пространствах репрезентаций). Этот «срез» напрямую связан с отношениями производства и порядком, формируемым этими отношениями, находя свое «объективное выражение» в памятниках, башнях, фабриках, офисах и т. д. [2].

2. Пространства репрезентаций. Это пространство жильцов/пользователей или «обжитое пространство» (lived space). Речь идет о дорефлексивном, повседневном опыте пространства, которое «скорее чувствуют, нежели мыслят». Этот «срез» имеет то «аффективное ядро», благодаря которому формируются «пространственные привязанности», делающие нашу социальную жизнь более устойчивой и ценностно значимой: родина, родительский дом, своя комната, любимый сквер и т. д. [3]. Обжитое пространство соединяет в себе, как замечает А. Лефевр, реальное и воображаемое. Именно здесь обнаруживают себя отношения господства, подчинения и сопротивления, а также возможность возникновения «иных пространств» (counterspaces), создающих условия для сопротивления доминирующему порядку.

3. Пространственные практики. Речь идет о процессе производства материальной формы социальной пространственности, о практиках, структурирующих социальное пространство (например, практики организации труда, досуга, политической жизни). «Эти практики охватывают производство и воспроизводство, задумку и реализацию, представленное и обжитое и так или иначе обеспечивают социальную связность, непрерывность и то, что Лефевр называет «пространственной компетенцией»» [2]. Пространственные практики опосредуют понимаемое и обживаемое пространство, связывая тем самым репрезентации пространства и пространства репрезентации. Лефевр относит их к области воспринимаемого (perceived).

Указывая на важность учета всех трех перечисленных моментов при анализе пространства, Лефевр тем самым ставит акцент на необходимости ухода от тех исследовательских парадигм, которые выстраиваются вокруг бинарных оппозиций: материальное/идеальное, природное/социальное и т. д. Подобные подходы не способны раскрыть пространство в качестве «социального продукта». Измерение действия/практики, на введении которого настаивает Лефевр, позволяет социально-исторически релятивировать все абсолютистски-универсалистские концепции пространства [2], обнаружив не только их эпистемологические, но и политические границы.

Описанная «пространственная триада» позволяет Лефевру выстроить важную для него социально-критическую линию в исследовании: с ее помощью он показывает, что отношения между воспринимаемым, понимаемым и обживаемым пространствами не являются стабильными, а значит – их можно и нужно изменять. При капитализме, согласно Лефевру, доминирующую роль играют репрезентации пространства – абстрактное пространство профессионалов. В этой культуре проживаемое и воспринимаемое имеет вторичное значение по сравнению с тем, как тот или иной феномен понимается и интерпретируется [3]. Абстракции, утратившие свою связь с миром, оказывают, с его точки зрения, разрушительное влияние на социальное пространство повседневной жизни. В духе Маркса Лефевр описывает этот феномен с опорой на понятие отчуждения. При этом важно понимать, что абстрактное пространство – это не просто слова; это социально значимый (реально существующий) феномен, играющий не последнюю роль в формировании тех норм и ценностей, в соответствии с которыми организована жизнь каждого отдельного общества. Хотим мы того или нет, но доминирующие в обществе представления о пространстве материализуются в его повседневных практиках и влияют непосредственным образом на организацию нашей

жизни. Как абстрактный труд в марксизме, абстрактное пространство рассматривается Лefевром как то, что разрушает живое пространство различий (differential space). «Будучи формальным, гомогенным и количественным, оно стирает все различия, берущие начало в теле (как пол или этничность), а иногда и овеществляет их ради своих собственных количественных целей» [3].

Живое человеческое тело является для Лefевра, как для Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти, неустранимым основанием пространства. Но живое тело с естественными потребностями не является антропологической константой. Тело и его потребности также подвержены искажению и деформации. Абстрактное пространство формирует, с точки зрения Лefевра, тела с искусственными потребностями: «Полнота жизни и полнота потребностей редуцированы, извращены. Какие образы влекут тело, что его “совращает” и “искусшает”? Подобия!» [4]. Такие подобия/заместители появляются в результате визуализации и кодификации пространства – когда реальный (живой) опыт пространства подменяется его искаженным истолкованием (навязыванием извне привнесенных смыслов). Немецко-американский философ Ханс-Ульрих Гумбрехт в своей книге «Производство присутствия: Чего не может передать значение» эту проблему формулирует следующим образом: «Метафизика (в том числе и метафизические концепции пространства), с ее акцентом на значении и толковании, ведет к «утрате мира», к исчезновению «эффекта присутствия [presence]» (осязаемости) мира в человеческой жизни» [5]. Концепция социального пространства А. Лefевра призвана не только реабилитировать исходную связь человека с миром, но и продемонстрировать социально-политическую и антропологическую необходимость этого «возвращения к корням».

Напрашивается, однако, вопрос: каков статус социального пространства? Это часть природы или понятие, творение или продукт? [6]. В этой связи Лefевр пишет: «Социальное пространство – это не вещь среди других вещей, не продукт среди других продуктов. Оно включает произведенные вещи и взаимоотношения между ними в их со-существовании и одновременности. Социальное пространство является результатом последовательности целого ряда операций и поэтому не может быть сведено к обычному объекту. В то же время в нем нет ничего воображаемого, нереального или «идеального», как в знаке, репрезентации, идее или сновидении. Являясь результатом действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить...» [2]. Любой редукционизм в исследовании пространства непродуктивен – он закрывает путь к другим его измерениям. В результате

своего анализа Лefевр приходит к выводу, что «любое пространство предполагает, содержит и скрывает социальные отношения, и это при том, что пространство – это не вещь, а скорее сеть отношений между вещами (объектов и продуктов)» [2]. Социальные отношения могут, по Лefевру, реально существовать только в форме пространственных отношений (во всей их полноте, не редуцируя этот опыт к какому-то одному измерению). «Без этого эти отношения остались бы в царстве “чистой” абстракции, т. е. в царстве репрезентаций, а значит – идеологии: в царстве многословия, словоблудия и пустых слов» [2].

Пространство, по Лefевру, никогда не производится в том смысле как производятся килограмм сахара или ярд ткани. Не является оно и совокупностью мест или положений. «Было бы корректнее сказать, что оно одновременно является и предпосылкой, и результатом общественных надстроек. Государство и входящие в его состав институты нуждаются в пространстве, но в пространстве, которое они могут организовать в соответствии с их специфическими требованиями. Таким образом, нет того смысла, в соответствии с которым пространство может рассматриваться исключительно как априорное условие этих институтов и контролирующего их государства. Является ли пространство социальным отношением? Конечно. При этом речь идет о тех отношениях, какие свойственны отношениям собственности (владение землей, участком) и производства (навязывание некой формы этой земле или участку). Здесь мы видим поливалентность социального пространства: его «реальность» одновременно формальна и материальна. Будучи продуктом, который используют и потребляют, оно также является средством производства; сети обмена, потоки сырья и энергии формируют пространство и детерминированы им. Таким образом, это средство производства, которое само произведено, нельзя отделить ни от производственных сил, включая технологии и знание, ни от социального разделения труда, которое его оформляет, его также нельзя отделить от государства и общественных надстроек» [2].

Проясняя смысл и специфику производства социального пространства, Лefевр обращается к городу и спрашивает: городское пространство (например, Венеция) – это творение или продукт? С одной стороны, это творение, столь же уникальное и неповторимое, как стихотворение или картина. Венеция единична, ее невозможно воспроизвести. «Это единство проявляется на уровне, одновременно более глубоком и высоком, чем туристический. В нем сочетается реальность города с его идеальностью: практическое, символическое и воображаемое. Репрезентация пространства (море,

одновременно и покоренное, и постоянно напоминающее о себе) и пространство репрезентации (изысканные линии, утонченные удовольствия, роскошное и жестокое разбазаривание богатства, накопленного напряжением сил) усиливают друг друга. Точно так же пространство каналов и улиц, в котором вода и камень в двойной текстуре отражают друг друга. Театрализация, настолько изысканная, насколько превышающая всякую необходимость, произвольная сценография, радующая и преображающая будничную жизнь во всех ее проявлениях» [6]. С другой стороны, эта уникальность Венеции не возникла из ничего. Свой уникальный облик она обрела благодаря людям и связывающим их производственным отношениям. «Начиная с первых свай, вбитых в отмель лагуны, каждое место было сначала спроектировано, а потом обустроено людьми: политическими “вожаками”, поддерживающими их группами, теми, кто трудился на строительстве. Как только были удовлетворены насущные потребности, связанные с вызовом, брошенным морю, – сделаны порт и судоходные каналы – начались публичные собрания, празднества, грандиозные ритуалы (бракосочетание дождя с морем), полные архитектурных выдумок. Здесь прослеживается связь между местом, обработанным коллективной волей и мыслью, с одной стороны, и производительными силами, с другой» [6]. Социальное пространство невозможно анализировать одноаспектно, редуцировав его к природе, истории и т. д. Такие толкования, еще раз заметим, воплощаются в наших повседневных действиях и ведут, с точки зрения Лефевра, к искаженному восприятию действительности.

На существующий дисбаланс между понимаемым, воспринимаемым и обживаемым пространствами как раз и призвана указать разрабатываемая Лефевром «единая теория пространства». Этот дисбаланс обнаруживается, в частности, в виде фрагментации сфер человеческой деятельности, которая приводит к формированию «одномерных людей». Конечно, восстановить целостность пространства (соответственно, целостность человека) благодаря одной теории невозможно. Но с ее помощью можно обосновать, что порядок жизни можно изменить только при условии, если изменится порядок организации пространства. И точкой отсчета для «реализации возможного» Лефевр называет повседневность, которую рассматривает как сферу, в которой можно эмпирически выявить все составляющие его пространственной триады и диагностировать характер отношений между ними, а также обнаружить условия возможности для социального противостояния, бунта (revolt).

Современную ситуацию Лефевр диагностирует как «расхищение повседневности»: капитализм со

свойственными ему планированием и расчетом практически не оставляет места для спонтанного действия и креативности, что с неизбежностью приводит к обеднению опыта и формированию «бюрократического общества контролируемого потребления». Повседневность становится рутинной – жизнью, превратившейся в механическую привычку, которую можно предсказывать и исчислять с математической точностью. Единственной возможностью вернуть в современные города спонтанность и дух авантюризма Лефевр видит в противостоянии – причем не только в форме революции, но и форме фестиваля. Фестиваль, как и революция, «укрепляет социальные связи и в то же время дает волю всем страстям, которые подавлялись коллективной дисциплиной и нуждами повседневного труда» [7]. Революция и фестивали указывают на скрытую сторону повседневности: в них обретают свое место те силы, которые, аккумулируясь в повседневных практиках, долгое время не находили выхода вовне.

С точки зрения Стюарта Элдена, исследование повседневной жизни Лефевра представляет собой аппликацию понятия отчуждения Маркса к анализу повседневности (Alltäglichkeit) Хайдеггера [8]. Однако не все исследователи творчества Лефевра склонны причислять его к «левому хайдеггерианству», сформировавшемуся в результате синтеза марксизма и герменевтической феноменологии [9]. Несмотря на высокую оценку мысли Хайдеггера [2], Лефевр, тем не менее, неоднократно критически высказывался в его адрес. Критике подвергались не только политические, но и философские взгляды Хайдеггера. В частности, Лефевр считал, что Хайдеггер недооценивает повседневную жизнь, что делает его философию апологией политического бездействия и нигилизма [7]. Видя в ней лишь примитивную и анонимную форму существования, Хайдеггер, с точки зрения Лефевра, не находит в повседневности креативного и революционного потенциала, способного изменить существующую социально-пространственную констелляцию [7]. Кроме того, согласно Лефевру, Хайдеггер остается все-таки философом времени: его интересовала история бытия, и вопрос о пространстве оставался вторичным [2]. Высказанные критические замечания являются, на наш взгляд, весьма спорными. Автор этих строк придерживается противоположного мнения: у Хайдеггера ключевую роль в анализе человека (как бытия-в-мире) играет (помимо времени) пространство и повседневность. И поэтому говорить о том, что он недооценивает эти (необходимые) моменты/условия человеческого существования, было бы некорректно. Другой вопрос, что, анализируя социальное измерение пространства, Хайдеггер ограничивается исследованием мира

труда, обходя вниманием особую пространственность домашнего мира с характерными для него (неотчужденными) отношениями [10]. Именно домашний мир и обретаемый в нем опыт пространства (опыт особой близости) способен, кроме прочего, служить тем местом, в котором может сформироваться, как сказал бы Лefевр, критическая установка в отношении отчужденного пространства как продукта идеологии. Это, на наш взгляд, позволяет говорить скорее о комплементарности позиций Хайдеггера и Лefевра, нежели об их антагонизме.

Исследование повседневности необходимо, с точки зрения Лefевра, для того, чтобы понять структурные нарушения в социальном пространстве и обнаружить места, способные послужить источником желанного «выздоровления». Критика повседневности оборачивается у Лefевра критикой капиталистического способа производства пространства, который охватил все сферы социальной жизни – как сферу труда, так и сферу досуга. Для Лefевра, как и для Гегеля, привычное (*bekannt*) не означает познанное (*erkannt*): то, что повседневная жизнь является для нас привычной, не означает, что мы ее понимаем. Анализ повседневности позволяет обнаружить непривычное в привычном, нетривиальное в тривиальном [8].

Именно анализ конкретных социальных практик позволяет уйти от пространства как некой пассивной и статичной поверхности и увидеть, как оно само активно производится, играя ключевую роль в процессе зарождения и утверждения той или иной общественно-экономической формации (например, капитализма). Пространство – это то, что колонизируют и потребляют, покупают и продают, создают и разрушают, используют и портят, над чем размышляют и за что сражаются [11]. Наиболее яркие примеры этих процессов обнаруживаются сегодня, замечает Лefевр, при анализе структуры современных городов. Пространство часто воплощает противоречия существующего социального порядка: противоречия капитализма – это противоречия пространства. «Узнать, как и что усваивает [*internalizes*] пространство, означает научиться тому, как произвести нечто лучшее, научиться тому, как произвести другой город, другое пространство... Изменить жизнь означает изменить пространство; изменить пространство значит изменить жизнь. Архитектура или революция? Все имеет значение. Это солнечная мечта Лefевра, его образ конкретной утопии. Это мечта, которая лежит в основании “Производства пространства”» [3].

Список литературы

1. Marrifield A. Henri Lefebvre: A critical introduction. New York, London: Routledge, 2006. 196 pp.
2. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 pp.
3. Marrifield A. Henri Lefebvre: A socialist in space. In: Crang M. and Thrift N. (Ed.) Thinking space, New York, London: Routledge, 2000. P. 167–182.
4. Филиппов А. Социология пространства. СПб: Владимир Даль, 2008. 285 с.
5. Гумбрехт Х.-У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: НЛО, 2006. 183 с.
6. Лefевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. № 2 (70), 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1-pr.html>
7. Lefebvre H. Critique of Everyday Life. Volume One, London: Verso, 1991. 283pp.
8. Elden S. Understanding Henri Lefebvre. Theory and the Possible. London, New York: Continuum, 2004. 272 pp.
9. Waite G. Lefebvre without Heidegger: “Left-Heideggerianism” qua *contradictio in adiecto*. In: Goonewardena K., Kipfer S. et al. (Ed.) Space, difference, everyday life: reading Henri Lefebvre. London, New York: Routledge, 2008. P. 94–114.
10. Инишев И. Н. Понятие мира в трансцендентальной и герменевтической феноменологии (Соотношение мира и вещи в феноменологических концепциях Гуссерля и Хайдеггера) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 11. С. 5–11.
11. Быстрота А. Н. Модель культурного пространства: границы и безграничность // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2008. Вып. 1. С. 95–104.

Бедаш Ю. А., ст. преподаватель.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

М. Трёхсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028.

E-mail: biedash@gmail.com

Материал поступил в редакцию 09.11.2012.

Y. A. Biedash

HENRI LEFEBVRE'S CONCEPT OF SOCIAL SPACE

The article is dedicated to the concept of the space elaborated by the French philosopher and social theorist Henri Lefebvre. Trying to overcome reductionism, typical of metaphysical theories of space, Lefebvre turns to daily experience of space and considers it in three interdependent dimensions: material, socio-political and research ones. The primary sociality of space means, according to Lefebvre, that the question of production of space should be asked in the context of problem of production and reproduction of social relations. So, the analysis of space assumes the character of social critique: to change society means for Lefebvre to change space (and vice versa).

Key words: *production, spatiology, social space, everyday life, capitalism.*

National research university “Higher School of Economics”.

Per. M. Trechsviatitelsky, 8/2, Moscow, Russia, 109028.

E-mail: biedash@gmail.com